

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

26 ПОНЕДЕЛЬНИК

НОВЯБРЯ 1934 г.

№ 271 (3300)

Цена 10 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

СТАЛ ЛИ „ВИШНЕВЫЙ САД“ КОМЕДИЕЙ?

В ОПРЕКИ обещаниям Симоновского театра комедии веселого спектакля не получилось. Лирические ноты в передаче атмосферы угасания, наполняющей «Вишневый сад», явноственно заглушают те иронические намеки, которые введены в трактовку отдельных действующих лиц. В результате усилия постановщика **А. Лобанова** оказались сосредоточенными на том, чтобы «обогреть» Чехова, придать его пьесе внешнюю сценичность, добиться зрелищной выразительности.

История Раневских, чуждых всякому делу, и Лопахина, олицетворяющего практическую инициативу новых владельцев вишневых садов, которого не прельщают никакими поэтическими пейзажами, приобрела легкость и игривость почти что французского водевиля. Но зато люди оказались такими пустыми, неинтересными, скучными, что утратили смысл многие режиссерские ухищрения.

Может быть поэтому так тускло звучит чеховский текст?

Только **Мурзаева**, играющая мучающуюся своей одиночеством и отводящую душу в халяпота Варю, сумела провести роль убедительно с начала до конца. В ней — без всякой комедийной резвости — наиболее ярко выражена идея спектакля: показать ненужность, бессмысленность, невыносимость существования обитателей «вишневого сада».

У других есть запечатлевающиеся эпизоды, отдельные реплики, но нет глубоких и развернутых характеристик, нет внутренней переработки чеховского текста.

Трофимов, например, знающий лишь одну заповедь — «честно работать», — превращен в шута, краснобаю. Не нужно идеализировать этого вечного студента, но ведь ему удается заронить какую-то искру в Аню, которому так сочувственно показала **К. Тарасова**. Трофимов — жертва, человек, ушибленный «разговорами», но он не одного ранга с Гаевым, демонстрирующим красноречие перед «многоуважаемым шкафом». Кстати театр, изобразив вместо разговора Ани и Трофимова во втором акте целое «конспиративное» собрание, осмеяв заодно с Трофимовым и всю эту неоперившуюся, но идущую чего-то нового моду. Артист **Молодяш** не мог выдержать порученной ему роли в режиссерском

Рис. А. Костомоловского

Епихов —
арт. Гамбургев

плане: нет-нет, а сквозит маска шута, балагура проскользнет черта навязного правдоискателя.

В своем разоблачительском запале театр выхолостил образ Раневской, ставшей просто похотливой дамочкой. Примечательно, что, «доделывая» чеховские образы, симоновцы придадут им своеобразный схематизм. Так, Раневская стала схемой прожигательницы жизни, Гаев, внешне очень заманчиво поданный **Толкачевым**, — схемой либерала, Епихов — схемой, зараженного книжной «культурой» мещанина. Пьеса стала беднее внутренней жизнью, хотя и обогатилась внешними эффектами.

Даже в эксцентричной Шарlotte, которую очень тонко рисует **Сергеева**, найдено лишь цирковое прошлое: потому и на вечере она выступает со своими фокусами в юбочке балерины.

Нехватает театру чувства — меры:

Яна (**Щербан**) показан как любовник Раневской — это явствует из всего его наглого, хлыщеватого поведения. Но театр не удовлетворяется и превращает глуховатого лакея в язвочного французского кавалера. Как ловко он танцует, как виртуозно распекает французские пансионетки!

Пожалуй самое интересное место спектакля — приход Лопахина, купившего «вишневый сад». Здесь — правда, с некоторой оглядкой на Островского, еще более заметной во втором акте, где разговор из поля перенесен в ресторан, — дано настоящее столкновение двух социальных формаций — раневско-гаевской и лопахинской — прожигателей и стяжателей.

Может быть здесь можно было найти ключ к раскрытию всей пьесы?

Но для этого очевидно пришлось бы чересчур дополнять Чехова. Не забудем, что для Чехова Лопахин далеко не антипатичен. Он в конечном счете даже добр и по-своему благороден. Поэтому задача артиста

Рис. А. Костомоловского

Черноволонко была особенно сложной, и неудивительно, что Чехов у него перелетел с Островским.

Комедии не получилось. Не получилось и настоящего чеховского спектакля. Разве только художник **Матрунин** в скромном интимном оформлении усадьбы сохранил чеховский колорит.

Но эксперимент **А. Лобанова** при общей неудаче содержит в себе достаточно интересных частей, оправдывающих его осуществление.

Н. ОРУЖЕИНИКОВ

Гера — арт. Мурзаева